

Однако в этот момент его лицо исказила гримаса ужаса, и от него исходила пугающая аура, от которой мурашки бежали по коже. Он был похож на чудовище, вышедшее из реки, и каждый его шаг оставлял на полу лужицу воды. Когда он заговорил, его тон был резким:

— Я не люблю мыться с людьми, которые мне не нравятся, и что? Ты ворвался без предупреждения, и я тебя выкинул. Это ещё мягко!

— Я тебе не нравлюсь? — Сюй Лэшу не ожидал такого ответа, и в его голосе звучало недоверие. — Когда я тебя обидел?

Видя, что ситуация накаляется, Цзинь Жоянь поспешил вмешаться, толкая Фан Юньци обратно в ванную и приговаривая:

— Не ссорьтесь! Быстрее иди мыться, иначе, когда вернётся Лань Шицзе, мы не успеем!

Он сжал руку Фан Юньци, одновременно понизив голос:

— Меньше говори. Мы сейчас команда, не стоит портить отношения.

Но Сюй Лэшу не собирался отступать. Он схватил Цзинь Жояня и оттолкнул в сторону:

— Жоянь, подожди, я должен всё выяснить!

Его глаза, обычно кроткие, теперь сверкали, и он смотрел на Фан Юньци с решимостью:

— Чем я тебя обидел? Почему ты так ко мне относишься!

— Привет, ребята, я вернулся...

Едва он закончил, как лицо Лань Шицзе, сиявшее улыбкой, застыло. Он медленно оглядел странную сцену в гостиной.

Один, мокрый и в трусах, был полон решимости. Другой, мокрый и в полотенце, выглядел зловеще. Третий, маленький, зажатый между ними, выглядел жалко. Двое других стояли в стороне, наблюдая.

— Что случилось?

Цзинь Жоянь очнулся и крепко схватил Фан Юньци:

— Капитан вернулся! Не создавай проблем! Нужно двигаться вперёд, не стоит цепляться за прошлое! Даже если ты его сейчас избьёшь, что это изменит?!

Он продолжал толкать Фан Юньци в ванную, но тот, услышав эти слова, также понял:

— Жоянь! Ты тоже знаешь, что он меня недолюбливает?!

— Я...

— Чёрт, сегодня всё должно быть выяснено! Чем я его обидел?! Вечно он на меня срывается! Ты что, считаешь себя ослом? Если бы у меня был котёл, я бы тебя уже сварил! Скажи, ты что, огромный пенал? Столько ручек (заморочек) ты носишь, тебе не тяжело?!

Все присутствующие замолчали.

Такого оригинального способа ругаться они ещё не слышали!

Бедный Фан Юньци, не обладая красноречием, был совершенно беспомощен перед острым языком Сюй Лэшу. Его лицо покраснело, как у курицы, несущей яйцо, и он едва мог дышать. Сжав кулаки, он расставил ноги, готовясь к атаке:

— Чёрт! Давай поговорим! Ты думаешь, я тебя боюсь!

— Говори, но говори нормально! Зачем ноги так широко расставляешь, боишься, что яйца замёрзнут? Если они тебе не нужны, просто отрежь их и иди тренируйся с Восточным Мастером по «Канону Подсолнуха»!

— Ты!!!!

— Хватит ссориться! — Цзинь Жоянь, зажатый между ними, как бутерброд, был в отчаянии. Он бросил взгляд на троих, стоящих как истуканы, и закричал. — Вы что, просто наблюдаете? Быстрее разнимайте их!

Сюй Лэшу, уже вышедший из себя, схватил Цзинь Жояня за руку и оттолкнул в сторону:

— Жоянь, отойди! Это не твоё дело!

Фан Юньци, видимо, тоже решил, что человек посередине мешает разрядить обстановку, и потянул его за руку. В результате самый невинный человек оказался под двойным ударом, а из-за луж на полу он поскользнулся и потерял равновесие.

— Ааааааа!

Его руки беспорядочно махали в воздухе, пытаясь за что-то ухватиться, но это не помогло противостоять притяжению Земли.

— Жоянь, осторожно! — Лань Шицзе, очнувшись, закричал и бросился к Цзинь Жояню, но он был слишком далеко, чтобы успеть.

Бум!

— Ааааааа!

Сюй Лэшу издал душераздирающий крик.

Если бы не хорошая звукоизоляция, то, согласно закону о шумовом загрязнении, эти парни могли бы остаться без штанов.

— О чём кричишь? — Цзинь Жоянь сел, сначала проверив голову, затем руки и ноги. Всё было в порядке, и боли он не чувствовал. — Я в порядке!

— Нет... это...

Сюй Лэшу, который подошёл проверить, как он, с странным выражением лица, указал пальцем в сторону. Цзинь Жоянь, не понимая, посмотрел туда и чуть не задохнулся.

Фан Юньци, который никогда не хотел мыться с другими, теперь стоял посреди гостиной совершенно голый, с широко расставленными ногами, под пристальными взглядами всех присутствующих. Полотенце, которое должно было прикрывать его нижнюю часть, было в

руках Цзинь Жояня.

— Чёрт!

С громким рёвом Фан Юньци бросился обратно в ванную.

После вежливого молчания, лица всех присутствующих покраснели, как спелые помидоры, и, глядя друг на друга, они разразились громким смехом. Особенно радовался Сюй Лэшу, словно отомстив за всё.

— Ты уже насмеялся? Тогда отойди! — Цзинь Жоянь, всё ещё находясь в эйфории после пережитого, вдруг почувствовал тёплое дыхание, которое, как перо, коснулось его уха.

Повернув голову, он увидел лицо, которое одновременно было и зловещим, и прекрасным. Ресницы, длинные и густые, глаза, тёмные, как ночь, и губы, слегка изогнутые в улыбке. Цзинь Жоянь немного растерялся, его нос уловил лёгкий аромат одеколона, мягкий и нежный, вызывая лёгкое головокружение и заставляя его щёки покраснеть.

— Минсинь, ты в порядке? — Юань Фэй первым заметил что-то неладное и подошёл проверить. Остальные также перестали смеяться и подошли с беспокойством.

Жар на лице Цзинь Жояня наконец спал, и его мысли вернулись в норму: он не почувствовал боли, потому что кто-то подставил себя в качестве живой подушки.

Юэ Минсинь, в момент падения Цзинь Жояня, бросился вперёд и поймал его.

— Ешь быстрее! — Цзинь Жоянь держал ложку, поднося её ко рту Юэ Минсиня, ожидая, когда тот откроет рот.

— Слишком горячо. — Юэ Минсинь, полулёжа на кровати, был слаб, как Си-ши. Его голос был тихим и нежным, словно каждое слово требовало огромных усилий.

Цзинь Жоянь, вздохнув, терпеливо объяснил:

— Молодой господин, я уже подул. Клянусь жизнью, оно не горячее!

— А. — Юэ Минсинь сделал вид, что понял, и медленно приподнялся. Цзинь Жоянь подумал, что наконец-то добился успеха, и снова поднёс ложку ко рту, но тот просто поправил позу и снова принял вид слабой ивы, слегка запыхавшись. — Тогда оно слишком холодное.

Чёрт!

У тебя же рука повреждена!

Почему ты выглядишь, как будто тебя только что кастрировали?!

Следующее, что ты скажешь, будет что-то из вашей главной песни — «Оставь корень»...

Цзинь Жоянь опустил ложку в кашу, склонив голову, чтобы скрыть злое выражение лица, но, подняв её, снова улыбнулся, как лучший официант в дорогом ресторане:

— Так что же ты хочешь, молодой господин? Я пойду куплю.

Юэ Минсинь, с блестящими глазами и лёгкой улыбкой на губах, выглядел очаровательно:

— Но я хочу кашу!

Цзинь Жоянь промолчал.

Сестра, я ошибся.

Похоже, тебя кастрировали уже давно.

— Брат Цзинь...

— Пожалуйста, не называй меня так. У меня мурашки по коже! — Цзинь Жоянь содрогнулся и добавил строгости в голос. — Смотри, я уже поднёс ложку к твоему рту! Что тебе ещё не нравится? Что за капризы? Ты что, издеваешься надо мной?

— Юань Фэй тоже так тебя называет. Почему у тебя тогда не было мурашек? — Юэ Минсинь холодно усмехнулся, наконец вернувшись к обычному тону. Он опустил глаза, играя пальцами, словно это было неважно. — Кроме того, я же спас тебя, и ты обещал заботиться обо мне. Неужели уже через день ты передумал?

Чёрт, если бы не это, я бы даже не стал с тобой разговаривать!

В тот день Лань Шицзе, как старший, серьёзно отчитал Сюй Лэшу и Фан Юньци, запретив Сюй Лэшу продолжать «банную дипломатию». Затем он поставил Юэ Минсиня в пример как человека, готового пожертвовать собой ради команды, и призвал всех учиться у него. Он также назначил Цзинь Жояня ответственным за заботу о молодом господине Юэ.

<http://bllate.org/book/16449/1492031>